

Автрская самооценка в научной статье

АНДРЕЙ СТОЯНОВИЧ
(Белград)

Приняв за исходные положения необходимость изучения текста в рамках культуры, понимание жанра как проекции коммуникативно-культурной конвенции на текст, направленность нормы коммуникации не только *ad rem*, но и *ad hominem* (Gajda 1990:113; Брандес 1990:39–41; Матвеева 1997:18), попытаемся подойти к интерпретации прагматической единицы – авторской самооценки¹ – на материале современной сербской филологической статьи².

С одной стороны, феномен авторской самооценки соотносится с основами стилистической характеристики образа автора, заложенными, например, в трудах В.В.Виноградова (Чернухина 1995), комплексом вопросов об авторской речевой индивидуальности (Терешкина 1981; Матвеева 1997), а также антропоцентричной концепцией языковой личности (Караулов 1987). С другой стороны, рассматриваемая проблема так или иначе увязана с категорией „субъект познания” (Котюрова 1986, Лапп 1993), диалогической его реакцией (Александрова 1986), категорией модальности (и оценочности) и другими ФССК (Кожина 1989; Котюрова

- 1 Самооценка – оценка личностью самой себя, своих возможностей, качеств и места среди других людей (БЭС 1997:1055). Отдельные аспекты проблемы уже затрагивались в статье А.Стоянович 1998.
- 2 Случайная выборка для предварительного анализа (см. список в конце статьи) примерно репрезентирует академические (собственно научные – по классификации Е.С.Троянской, 1986:17) статьи. Как правило, здесь отсутствуют статьи собственно полемического характера. Специфика последних очевидна во многих языках. Дополнительные источники привлекаются лишь для частичной проверки сложившихся тенденций в использовании языковых средств.

1996; Майданова, Соболева 1997; Солганик 1997), а также стилистическими приемами выражения авторского „я” (Лаптева 1977) и элиминирования из научной литературы всего эмоционального, образного, субъективно-оценочного (Троянская 1982). Предлагаемая постановка проблемы отличается, как представляется, от названных концепций масштабностью предмета исследования (см. ниже).

Для иллюстрации этих различий обратимся, например, к концепции Ю.Н.Караулова, основанной на тезисе о том, что „нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности” (Караулов 1987: 7). Сближая (в ходе полемики с лингвистами) коммуникативные потребности с функциями языка (т.е. „фатической, номинативной, познавательной, эмотивной, апеллятивной, волюнтативной потребностями”, с.214), Караулов попутно добавляет к перечисленным и „потребность в оценке” и „потребность в выражении модальности”. Здесь важно отметить, что „(само)оценка” получает у автора свое эксплицитное определение: „Любая оценка или самооценка **есть модальная реакция** и как таковая относится к прагматическому уровню речи как деятельности или прагматическому уровню в организации самой языковой личности” (Караулов 1987: 238). Такое понимание „самооценки” является справедливым лишь отчасти, т.е. оно слишком узко, не совсем применимо к анализу целостных научных произведений. Иначе говоря, учитывается, по всей вероятности, во-первых, только „дискурс личности” (понимаемый Карауловым как вся „совокупность реплик какого-то действующего лица пьесы или же совокупность произведенных во внешней и внутренней речи высказываний одного персонажа прозаического художественного произведения”, с.238), а во-вторых, акцентируется „модальная реакция” именно субъекта речи (персонажа) или художника³ (подразумеваемая использование некоего репертуара языковых средств усиления эмоционального, образного, субъективно-оценочного и т.п.). Однако, как

3 О трактовке Ю.Н.Карауловым понятия-термина *самооценка* лучше подтверждение дают две цитаты из его книги. Первая относится к „интериоризованному дискурсу Шолохова”, ср: „Одной из особенностей интериоризованной речи Шолохова является наличие самооценок действий и речевых поступков: „–А сюда надолго? Или дальше побегите? Вопрос был чисто риторический, оба – и спрашивающий и отвечающий понимали это. Шолохов знал, что говорят обычно в таких случаях ...” (Караулов 1987: 76). Другая цитата: „Самооценка собственных речевых произведений, соседствуя, а в ряде случаев переплетаясь, с оценкой текста или поведения собеседника, чаще проявляется в диалоге, т.е. во взаимодействии интериоризованной речи с внешней речью персонажа” (с.76–77).

будет показано конкретным анализом определенных текстотипов научных статей (см. ниже), данный феномен (напр. завышенная авторская самооценка) сопровождается не реакцией субъекта речи (автора, персонажа), а наоборот – адресата и интерпретатора текста, причем у читателей возникает, как правило, так называемый *незапланированный коммуникативный эффект* (термин М.Я. Цвиллинга 1986). Значит, в нашем понимании, имеет место не только (и не столько) анализ частных „модальных реакций” отправителя сообщения (т.е. авторская самооценка в узком понимании), но максимально исчерпывающая, комплексная интерпретация *тотального образа авторской персоны*⁴, обратившей на себя внимание значимой тенденцией (пучком текстовых сигналов завышенной самооценки) к нарушению установленных коммуникативно-культурных конвенций данной жанровой⁵ разновидности научной литературы. Подчеркнем, если такие сигналы предварительно не обнаружены, то отпадает и необходимость (с точки зрения исследования самооценки) в тотальном отображении „авторской персоны”.

Наоборот, выявив даже минимальную исходную тенденцию, сразу запускается весь исследовательский аппарат, направленный на поиск других значимых признаков, служащих средством для подтверждения или опровержения исходной предпосылки. В конечном итоге это подразумевает (что будет методологически наиболее целесообразным) обращенность исследователя-интерпретатора к генеральной совокупности научных текстов (произведений) какого-либо автора.

Таким образом, значимым сигналом проявления самооценки при интерпретации целостных научных произведений (статей) может служить (и служит), помимо явно эксплицированных в тексте авторских „модальных реакций”, и весь комплекс никак не эксплицированных, „пустых” мест в текстовой ткани (например, полное отсутствие в научной статье, относящейся к весьма сложной, широкой и дискуссионной теме, затекстового отсылочного аппарата как явный сигнал авторского отношения к „старому знанию”, т.е. осведомленному читателю; отсутствие тематикой

- 4 Авторская „персона” – это лишь субъективная сторона, т.е. тот вид, в каком отправитель сообщения представлен другим (читателям), в противоположность авторскому аутентичному Я. Чтобы получить представление о последнем (т.е. объективной стороне отправителя сообщения), необходимо провести ряд социопсихологических экспериментов, о чем уже указывалось в литературе (см. напр. Поповић 1994: 159).
- 5 Речевые жанры для говорящего субъекта имеют нормативное значение, „не создаются им, а даны ему. Речевые жанры даны нам почти так же, как дан родной язык” (Брандес 1990: 39).

обусловленных, почти подразумевающихся, ожидаемых читателем элементов методологии и способов аргументации для адресата и т.п.).

Как известно, проявление (само)оценки в речевой деятельности ученых (их научном творчестве) весьма закономерное явление, поскольку оно обусловлено глубокой преемственностью знания (Котюрова 1986, 1996), единством научной мысли и научной речи при получении нового знания. С другой стороны, „мышление и его языковое выражение даже на самом абстрактном уровне не может быть совершенно лишено оценочности, воображения, интуиции и экспрессивности” (Кудасова 1983: 24). Вопрос о том *как* (само)оценка проявляется в текстах определенной жанровой разновидности представляет интерес именно⁶ для стилистики и ее нормативно-узуальной сферы. При этом самооценку с точки зрения современного стилевого узуса можно, разумеется, представить определенной параметрической шкалой сравнительно адекватных и менее адекватных реализаций. Адекватной можно считать такую авторскую самооценку, которая в данную эпоху, в данной стране расценивается данным научным социумом как приемлемая, „стандартная”, „общепринятая”, „образцовая”, т.е. соответствующая современным представлениям о соблюдении культурных ценностей⁷ (жанровых коммуникативно-культурных конвенций⁸). Очевидно, здесь следовало бы попутно оговорить и понятие „жанр”.

Хотя жанр „статьи” и относится к типу формы (множеству форм – Брандес 1990) с открытой, свободной (мягкой) структурой, однако некоторые формы (например, собственно научная статья) обнаруживают в

6 Данная задача принадлежит, по утверждению Матвеевой (1997:18), компетенции стилистики, прагматики, психолингвистики, лингвокультурологии.

7 Ср.: „Жанровые формы, будучи продуктами „социальной природы”, являются культурными ценностями, информативность которых ограничена общими характеристиками. Так, название „фельетон” создает у человека общее представление о содержании этого жанра, т.е. его назначении, его внутренней конструкции, а также той реакции, которую он должен вызвать” (Брандес 1990: 40–41).

8 В обобщенном виде соблюдение данной конвенции для жанра собственно научной статьи подразумевает адекватное проявление (в данный период, в данной стране и культуре) авторского лексикона (сдержанное употребление образных, эмоциональных, субъективно-оценочных средств, сознательное подражание стандарту научного изложения как стилистический прием – Троянская 1982), а также прагматикона (корректная интерпретация старого и нового знания, корректность общения с адресатом /напр. без принижения последнего/, уважение активной роли читателя при восприятии текста, выбор правильной коммуникативной стратегии, наиболее рациональных способов аргументации для адресата и т.п.).

научных стилях многих языков сравнительно устойчивые и закономерные правила построения коммуниката (например, более последовательно в русском и немецком и менее последовательно в английском и французском языках – Троянская 1986: 21). Отдавая, однако, себе отчет в том, что проблема жанра весьма сложна (даже общепринятого его определения не существует), все же наметим нашу рабочую гипотезу, совпадающую с утверждением Троянской: „между коммуникативными функциями, выполняемыми научными произведениями разных жанров, с одной стороны, и выбором функционально-смысловых типов и приемов организации текста, с другой стороны, существует закономерная корреляция” (*там же*).

Итак, условно отталкиваясь от проблемы воплощения адекватной авторской самооценки в жанре собственно научной статьи, обратимся к любопытному вопросу об интерпретации смысла неадекватной⁹ (т.е. завышенной) авторской самооценки. В раскрытии последней заключается основная цель данной работы.

Вопрос о завышенной авторской самооценке (в дальнейшем – ЗАС) в жанре собственно научной статьи можно рассматривать по крайней мере в трех различных аспектах: 1) как проблему авторского владения коммуникативной компетенцией (знание современных языковых норм и конвенций научного функционального стиля), 2) как проблему адресата, его психологии восприятия, т.е. возможности „объективной” интерпретации авторского сообщения (помехи в восприятии информации, стереотипы восприятия, (не)объективность оценок читателя или интерпретатора-исследователя), 3) как проблему социально-психологической адаптации авторской личности (речевая несоциализированность субъекта речи – термин Ковачевич 1996:142; искаженное или недостаточно развитое представление о себе; различные формы эгоцентризма – Головин 1997:774; престиж, элитизм и т.п.).

Представляется, что именно второй из названных аспектов является наиболее актуальным для современной стилистики текста. При этом мы склонны руководствоваться гипотезой: при интерпретации смысла ЗАС необходимо исходить из некоего „пучка” взаимодействующих текстовых сигналов, которые **только** в синтезированной совокупности способны

9 Неадекватная авторская самооценка может проявляться как завышенная и пониженная. Интерпретация последней требует отдельного рассмотрения, и она не входит в задачи настоящей работы.

подтвердить наличие исследуемого феномена, а также объяснить так называемый „незапланированный” коммуникативный эффект. Такого рода методологический прием в условиях дефицита информации, относящейся к объективной стороне личности отправителя сообщения, призван несколько ограничить возможную необъективность оценок интерпретатора-исследователя, предупреждая одновременно стереотип восприятия.

1. Основополагающий текстовый сигнал ЗАС – принижение других людей и результатов их деятельности. В проанализированных нами источниках в качестве объекта принижения выступают, чаще всего, определенные социальные общности, которые так или иначе имеют отношения к речевой деятельности. Склонность у сербских ученых-филологов к принижению других выражена неравномерно. У одних авторов – это лишь спорадическая примета, тогда как у других уже можно говорить о сложившейся тенденции. Так имеются научные филологические тексты (причем тексты собственно полемического¹⁰ характера здесь исключаются) определенного автора, в которых принижение других является „нормой”. Здесь же, якобы попутно, принижают с оттенком недоброжелательности и „диалектологов”, и „грамматистов”, и „сочинителей народных песен”, и „югославский или сербский народ”, и „народ России и бывшего Советского Союза” и т.д. . Ср. иллюстрации (в дальнейшем жирный шрифт в цитатах везде наш. – А.С.):

„Пошто наши дијалектолози, неупућени у проблем, нису досада били окренути ка томе да, идући на језички терен, трагају, поред осталог, и за евентуалним постојањем овде описане детерминативне употребе израза *плав ...*” (ИБ1: 14); „Забринути су, у ствари, углавном они који су управо највише заслужни за **наше извлачење из муцавости израза** – књижевници. Што се наших **граматичара** тиче, њихова су расположења по правилу, бар доскора, била **управо обрнута**: улагали су све своје снаге да докажу да је тај наш **«десетерачки језик»** неприкосновено благо...” (ИБ2: 158); „Не мање је, међутим, значајно једно питање које се, нажалост, по правилу не поставља, а требало би га поставити: имају ли **наше тек описмењене**, а од малих ногу на туђице привикле **генерације** неки активан однос према њима?” (ИБ2: 179); „**Људи који без икаквих резерви уживају у народњацима нису у својој општој, па стога ни у језичкој култури далеко одмакли. Међутим, то су најбројнији представници српског народа данас, настањени по селима и градовима, чак првенствено по градовима**” (ИБ2: 188); „Чим је

10 Совершенно ясно отдаем себе отчет в том, что в отдельных текстовых фрагментах любой научной статьи (и не только) могут появиться элементы полемического характера, обусловленные сменной целевой установкой. Однако такие научные произведения мы не относим к собственно полемикам.

почела «перестройка» и Руси су свој језик широко отворили англицизмима; стручна литература објављена последњих година пуна је осврта на жив оптицај туђица као што су, рецимо, *джаст-ин-тајм* или *джогинг* у руској изражајној свакидашњици. **Америци није потребно да се ратом потврђује** као прва сила света; довољно сведочанство о томе прибавља јој њен језик” (ИБ2: 178).

Принижение других встречается также в общетеоретических статьях, где оно пронизано иронией, нередко с оттенком недоброжелательности к адресату [В приводимом ниже отрывке ученый-англист отвергает факт о существовании в лингвистике понятия „научный стиль” (серб. „језик струке”), убеждая с явным эмоциональным накалом¹¹ остальных коллег-филологов в том, что они якобы не лингвисты, а лишь обыкновенные „профессора-преподаватели” (серб. „наставници”).]; ср. следующий фрагмент:

„Пре свега, стручни језик за **наставника није** нека магловита апстрактна категорија коју би на појавном плану тек требало дефинисати, него конкретан и у општим цртама довољно јасан наставни циљ, емпиријски манифестован у корпусу текста из одређене стручне области. Према томе, за лингвисту који гледа из угла језика и тражи систем, стручни језик је тек потенцијална категорија. Али за **наставника који гледа из угла струке**, утолико што је суочен са текстовима чија струковна припадност и аутентичност не подлежу сумњи, та категорија је већ унапред задата тиме што је представљена датим стручним језиком. У овом смислу могло би се претпоставити да је задатак наставника лакши, јер **они већ знају шта су за њих стручни језици које треба да предају**, док лингвисти тек морају да утврде општа обележја стручног језика као појаве” (РБ1: 22–23).

Наряду с этим в отдельных случаях имеет место употребление некоторых излюбленных слов (проходящих красной нитью почти через все научное творчество автора) с ярко выраженной отрицательной коннотацией, которыми навязчиво именуется именно адресат, ср.: *аналфабета*, *неписмени*, *језичко осећање најнеписменијег*, *писмени део народа* (Ср.: „Заборавља се: да је данас и **писмени део народа** – народ, у сваком могућем смислу...” – ИВ2: 140), *упућени (узнати)* – *неупућени* – *недовољно упућени* (Ср.: „**Сви они** који су добро **узнати** са принципима лингвистичке теорије **схватају**...” – ИВ2: 148; „... како би **неупућени** могли помислити...” или „Мада је **довољно упућенима** у општелингвистичку проблематику познато, дакле ...” – ИВ1:15,16). Примечательно, что процитированная лексика также сигнализирует о непосредственном или

11 Накал с оттенком некорректности к адресату понятен из широкого экстралингвистического контекста, откуда читатель узнает о том, что данный ученый практически отвергает не только факт существования научного стиля, но и функциональной стилистики в целом.

косвенном принижении читательской аудитории (ведь два последних примера проинтонированы на страницах современного лингвистического журнала международного ранга!). Ср. также: „**Неупућени** погрешно мисле да су лексичко благо *Српског рјечника* и Вуков изражајни фонд једно исто” (ИБ2: 54).

Примером експликације оценочних позиција аутора, несущих большой заряд эмоционально-экспрессивной выразительности, является использование средств иронии, что типично скорее для работ, приближающихся к научно-публицистическим и газетно-публицистическим жанрам:

„Рецимо да поменућа синтагма, у нашем језику као и у преводу на друге језике, слабо успева да прикрије злочин који означава. **Ваљда зато што хемикалија није довољно јака да извади флеке од крви**” (РБ: 365); „Дакле, пуј пике – не важи: оружани упад који је посредством телевизије видео цео свет није се десио, јер су се министри договорили да је посреди нешто друго” (РБ: 364); „«Браниоци Мирковаца ослобађају Вуковар». (**Ово је већ теже замислити.**)” (РБ: 364).

Особо отметим несколько иллюстраций, в которых ирония явно имеет оттенок недоброжелательности к адресату:

„И баш овај наречени лидер у последње време засипа земљу и свет крокодилским сузама, представљајући се као забринуту заштитнику тих истих људи!” (РБ: 365); „Остаје тек нада да ће се господарима рата кад-тад обити о главу, уз све друго зло које су породили, и чудовишни језик који су славодобитно измуцали” (РБ: 366); „Ево тих «бисера» наших високих интелектуалаца ... Доктор друштвених наука сматра да може да напише и «ширећи своју експанзију» или да «кооперативна сарадња» делује научно” (НС1: 49); „На основу дугогодишњег искуства, лично сматрам да је једини излаз: рећи на одговарајућем језику, страном наравно, оно што је аутор или назови аутор рекао или чак намеравао да каже” (НС: 30).

Отдельно выделим манеру „попутного” приклеивания адресату ярлыка некомпетентного, однако без каких бы то ни было последующих соотносительных доводов, разъяснений или отсылок. Неаргументированное принижении адресата гармонирует, нередко, с кичливостью и нетерпимым высокомерием. В читательском восприятии квазипрестижность такого повествования порождает, как правило, коммуникативный эффект бумеранга. Указанная манера весьма неуместна, например, в инициальной фразе, открывающей роскошный сборник статей, адресованный международной (славянской) общественности:

„Обично се и у лаичкој свести и у теоријској лингвистици узима да актуелних промена у језику говорници најчешће и нису свесни – будући да су оне изразитије

учљиве тек у временском кораку који омеђују барем две генерације говорника. С друге се стране, пак, зна се да су језичке промене неминовне, непрекидне ..." (РД1: 1).

2. С точки зрения интерпретации ЗАС, кроме всевозможных форм принижения, значимыми сигналами в научном тексте могут оказаться и способы выражения авторского „я”, и характер ссылок на собственные ранее опубликованные (и свои неопубликованные) работы, и характер умолчания о своих научных предшественниках (корректность обращения со „старым знанием”), и выбор методологической стратегии (способов аргументации) для адресата, и различные отклонения от эмоциональной и субъективно-оценочной нейтральности повествования и пр.

Проблема „ячества”. На фоне преобладающей в настоящее время неличной манеры повествования (особенно в современных сербских научно-технических журналах) случаи отклонений от указанной конвенции могут восприниматься, с одной стороны, как явный анахронизм, а с другой – как произвол некоей формальной или неформальной социальной группы (объединенной на основе определенной прагматической пользы¹²) при попытке продемонстрировать свою мнимую престижность. Поэтому для анализируемых источников характерен особо усиленный эгоизм:

„У своје раду Плава боја као лингвистички проблем (који је објављен 1994. на страницама Јужнословенског филолога, а затим прештампан у Ивић 1995) ја сам, покушавајући да реконструишем развојни пут израза *глав* у српском језику, пошла од претпоставке... Да је у прадавним временима било управо тако како сам претпоставила, потврду ми је прибавио, неочекивано, сам језик” (ИВ1: 13); „У складу са овим, нека ми буде дозвољено да закључим¹³ како теза о превођењу ..." (РБ3: 25); „На то указује анкета коју сам спровела” (ИВ3: 32).

Главная черта указанной (личностной) манеры – непоследовательность использования языковых средств в рамках одного и того же произведения.

Ср.: „Помињем овај последњи детаљ...” и „Поменули смо већ да су у тој позицији ...” (ПЕ: 102,104); „По мојим ранијим проценама, то би, рецимо, могао бити следећи инвентар ...” и „На крају овог дела наше приче ...” (РД1: 10,12); „«Крвава бајка», ... – верујем да пружа сјајан пример за наша истраживања” и „Намера нам је, као што и наслов најављује, да до сржи песме продремо ...” (РС: 144); „За потребе овог разматрања

12 С точки зрения социальной психологии определенный интерес представляет и рассмотрение отношений в малых группах, напр. „редактор – автор”, „рецензент – автор”, „редактор – рецензент – автор”, „крупный профессор – ученик-последователь” и т.п.

13 Личная манера изложения в данном случае несколько оправдана, так как анализируемый источник отражает скорее устный вариант научного стиля речи.

прихватам овакав став као валидан ...” и „На тај начин долазимо до првог упоришта тезе коју развијамо...” (РБЗ: 21).

Именно этот – смешанный и непоследовательный – способ изложения больше всего устраивает, кажется, тех сербских словесников, которые хотели бы повысить свою „престижность” в глазах читателей. В сербском языке обстоятельство это обусловлено – отчасти – некоторым влиянием старых традиций (характерных для представителей школы А.Белича), а также объясняется – по большей мере – традиционным отсутствием¹⁴ ипостаси кодифицированных норм, неразработанностью соответствующих литературных приемов, практической маргинализацией или ограничением редакторской правки.

Следует особо подчеркнуть, что одного „ячества” недостаточно для того, чтобы в текстовом анализе подтвердить наличие ЗАС. Нередко речь идет лишь о потребности в интимизации с читательской аудиторией:

„Да бих барем донекле попунио празнину која у овој области влада, а како ме као писца интересује феномен језика, одлучио сам се за прикупљање народних имена” (ИБ: 96).

В других случаях лично-неличную манеру можно объяснить, например, ощутимой гордостью авторитетного автора и его подражанием отжившим традициям. Как явствует из произведений таких ученых, высокая у них самооценка не обязательно означает, что они ею и страдают:

„Ја ову непотпуну синонимност и у области лексике истичем зато што је синтаксичка синонимност, о којој желим да овде говорим, управо исто таква (...) ипак се не може рећи да су они и свестрано, мислим, дакако, по значењској вредности, идентични. С овим што смо досад о њима рекли, сматрам да смо указали на карактер синонима...” (СТ: 115).

Имеются также случаи, представляющие собой лишь иллюстрацию умеренного (однако непоследовательного) подражания традициям лично-стного оформления филологических работ сербистов:

„Да је атрибутив одредба с устаљеном позицијом, показаћу на једном типу синтагми која се јавља нарочито у језику савремених писаца (...) Овде ћу уз сваки тип синтагми лексички одредити супстантиве и дати основне структурне карактеристике ...” (ДМ: 223).

Как видно из приведенных иллюстраций и характера языковых традиций школы¹⁵ А.Белича, фактор авторского „я” в современных статьях

14 О традиционном отсутствии кодифицированной нормы и проблемах сербского языкового строительства попутно уже упоминалось в работе Стоянович 1997: 567.

сербских филологов не является самодостаточным и надежным при интерпретации прагматического смысла ЗАС. И все же интерпретатор (читатель) остро ощущает¹⁶ чрезмерное его усиление, т.е. отклонение от привычных стереотипов и современных жанровых конвенций. Например, наличие в тексте устно-жаргонных иноязычных вкраплений (ср. гл. *селектујем*) при трехкратном акцентировании авторского „я” на фоне кичливой речи монографического повествования осознается читателем как отклонение от узуса. Примечательно, что высказывание в данном случае преподносится автором-сербистом в предложении, насчитывающем 71 слово:

„Пошто је за подробно овладавање тематиком овако насловљеног поглавља потребно имати увида у делове знања из неколико дисциплина какве су, рецимо, лингвистика, теорија информације, семиологија, комуникологија, антропологија, социјална психологија, и др., **покушаћу** да овде у сажетом и синтетичном облику **обухватим** она лингвисти најважнија знања у њима, и да при том **селектујем** она која су тематски за ову прилику најрелевантнија када се има у виду укупна садржина (социо)лингвистичких разматрања у овој књизи” (РД:53).

Подобные эготические тенденции имеют место даже в определениях довольно известных лингвистических терминов (причем в инициальном предложении, открывающем научную статью):

„Декомпонованим предикатом **сматраћу** овде сваки двочлани предикат конструисан по моделу ...” (РД2: 53). Ср. также: „**Мој** циљ је да овде посебно **истакнем** репертоар основних проблема ... **изнесем** нека начелна размисљања ... Уједно, **сматрам** да ...” (РД3: 253).

Как видим, налицо „незапланированный” коммуникативный эффект, который может снабдить читателя „избыточной информацией о характере личности автора, снижающей степень авторитетности его утверждений, вызывающей сомнение в его компетентности, в достоверности

- 15 Речевая характеристика представителей различных лингвистических школ составляет, кажется, отдельную тему стилистических исследований.
- 16 Мы отдаем себе отчет в том, „что один и тот же текст понимается разными людьми по-разному” (причем по-разному „понимаются не только детали, а и само существенное”, по-разному „чувствуется и переживается, по-разному оценивается” – Рубакин 1972:133). Сказанное относится, очевидно, к определенному типу адресата, т.е. массовому читателю. Однако относительная объективность интерпретации текста все же сохраняется тогда, когда адресатом выступает контингент информированных специалистов. Ср.: „Предварительная информированность здесь представляет собой степень и объем знаний той сферы действительности либо фикции, к которой относится коммуникативное высказывание” (Поповић 1994: 116).

сообщаемых им сведений ...” (Цвиллинг 1986: 7). Подобных примеров в анализируемых источниках достаточно, однако нет особой надобности здесь их приводить (см. Стоянович 1998).

Наконец, попутно отметим (лишь для сравнения) несколько противоположную и довольно редкую (для сербских научных статей) авторскую манеру повествования. Она характеризуется тем, что на фоне, казалось бы, привычного лично-неличного повествования заключительная часть статьи (выводы) преподносится в непривычной для данного жанра манере, т.е. от третьего лица (3 л. ед. ч. глагола при наличии или без местоимения „он”; существительное „аутор” + глагол).

Ср.: „Мислим да је једно и друго могуће и да могу да се остварују упоредо” (ПО: 252); „Да дамо само један пример” (ПО: 258); „Проучавајући генезу прагматике, аутор је констатовао њене филозофске и лингвистичке корене ...” (ПО: 259); „На основу тога је извео закључак да се прагматика (...) Он сматра да у анализи прагматичких проблема ...” (ПО:260).

Отсылка к собственным предшествующим работам. Являясь своего рода оценкой¹⁷, ссылка всегда предоставляет возможность (в рамках ограничений, накладываемых жанром и принятыми правилами редакции журнала) внести определенные дополнения, комментарии, информацию о собственной позиции, что также может усиливать аспект авторского „я”. В отдельных случаях отсылочным библиографическим аппаратом можно даже злоупотребить, что подводит нас скорее к проблеме нарушения профессиональной этики¹⁸ ученых либо вопросам отклонения от принятых коммуникативно-культурных конвенций (социального узуса общения). Последнее как раз и происходит, нередко, при отсылке к собственным предшествующим работам, что немаловажно для интерпретации завышенной авторской самооценки. Ведь по этому поводу высказывались ясные предупреждения (Ср.: „Любой исследователь вправе сослаться на собственные предшествующие работы, порою это просто необходимо, однако редакции уважаемых себя научных журналов не позволяют злоупотреблять этим” – цит. по: Разинкина 1986: 129).

Учитывая относительную толерантность к проявлению эгоизма в сербских филологических статьях, неудивительно, так сказать, если какой-нибудь из сербских филологов сначала позволит себе открыть

17 Ср.: „Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что ссылка – это всегда отношение, всегда оценка” (Разинкина 1986: 128).

18 Об этических принципах и нормах, значимых для всех ученых см. Головин 1997: 473.

первую научную статью „собственного” сборника статей словом „мој” („Моја ће главна пажња ...” – ИВ:9), а потом в первой своей помете („Овај се текст овом приликом први пут објављује” –ИВ:9) и первой ссылке („Подробнија обавештења о овом проблему даје мој рад ...” – ИВ: 10) снова позволит себе свободу снабдить читателя избыточной информацией о характере личности автора. На указанной почве и само упоминание сведений, связанных с капитальными трудами других ученых, может послужить неожиданным поводом для ссылки не на чужую, а свою собственную работу.

Ср.: „Тридестих година овог века, у Прагу, утемељена је општелингвистичка теорија о књижевном језику” (ИВ2: 116); после слова „језику” введена единственная библиографическая ссылка, однако не в ожидаемый читателем адрес представителей Пражского лингвистического кружка, а наоборот – в собственный лишь адрес автора, причем в форме: „Више о прашкој школи и њеним научним заслугама в. у књижи Милка Ивић, *Правци у лингвистици* осмо издање, Библиотека XX век, посебно издање, Београд 1966, 124–127” (*там же*).

В анализируемом материале хрестоматийным стал, кажется, случай речевого поведения Р.Радовановича – ученика проф. М.Ивич. По форме проявления эгоизма в некоторых своих текстах ученик намного превзошел не только своего профессора, но и всех подобных лингвистов. Иными словами, открыв спокойно кавычки, Радованович стал непосредственно цитировать свои собственные слова (прием полного самоцитирования):

Ср.: „Упростићено речено, да се подсетимо (Радовановић 1993^а:111): «Значи, мораш прво одабрати шта ћеш сматрати својим (јавним) језиком ...»” Или (Радовановић 1986:195): „Тиме се, заправо, само затвара круг поступака ...” (РД1: 5–6).

Отдельно можно обратиться к перспективным библиографическим ссылкам на собственные работы, содержащим выражения „у штампи” (в печати), „у припреми” (готовится к выпуску), „предвиђено за објављивање” (предусмотрено для публикации):

„Радовановић, Милорад (у штампи) ... Радовановић, Милорад ед. (у припреми) ...” (РД: 297); „Овај текст је из оквира тематике о којој је аутор говорио у сарајевском кружоку 16.5.1988. године, под насловом «Аутономија и интеграција у лингвистици», а представља прилагођен део дужег рада у припреми” (РБ2:13); „... Још једном о «народњаџима» (предавање одржано крајем 1996. године ... предвиђено за објављивање у публикацији Лицеум)” (ИВ2: 7).

Проблема умолчания о „старом знании”. Примечательно, что из общего числа четырех библиографических ссылок автор-англист использует в своей статье три отсылки на рекламу собственной книги („Списак ових критеријума и даља дискусија могу се сада наћи у нашој књизи ...” – РБ4:17), тогда как оставшуюся (одну) ссылку он щедро дарит „старому знанию”, всем своим научным предшественникам. Напомним, что рассматриваемая статья посвящена весьма дискуссионной области научно-технической терминологии, в которой филолог-англист является, собственно говоря, новичком. Тенденция к минимальному упоминанию или полному умолчанию о научных предшественниках, целых лингвистических школах (особенно славянского происхождения!) является отличительной чертой творчества конкретного автора (по этому поводу см. Стојановић 1996:45; Стоянович 1997^а: 10–11).

Уникальнейшим случаем является, однако, научная статья филолога-англиста проф. Любомира Михаиловича, посвященная теоретическим разысканиям, т.е. понятию и характеристикам „научного стиля” (см. МИ). Данная статья в целом (шесть страниц) не содержит буквально ни одного литературного источника, ни одной упомянутой фамилии кого-нибудь из предшественников (хотя статья снабжена длинным резюме на английском языке). Это – случай максимального умолчания и наглядный сигнал ЗАС. Такая „свобода” нередко завоевывается и отстаивается на фоне научно-издательского nepoтизма¹⁹.

Кроме определенных филологов-англистов, склонны к умолчанию о „старом знании” (особенно русско-славянского происхождения) в своих научных работах (статьях) и отдельные филологи-сербисты. Среди последних выделяется главный протагонист лингвистической борьбы против всего русского и общеславянского – академик Милка Ивич, который почему-то в своих научных работах **явно** спешит оскорблять весь советский народ, его культурные достоинства и святые славянские корни:

„Чим је почела «перестройка» и Руси су свој језик широко отворили англицизмима; стручна литература објављена последњих година пуна је осврта на жив оптицај туђица као што су, рецимо, *джаст-ин-тайм* или *джогинг* у руској изражајној свакидашњици. **Америци није потребно да се ратом потврђује** као прва сила света; довољно сведочанство о томе прибавља јој њен језик” (ИВ2: 178).

19 Не требует доказательства общеизвестный факт о том, что nepoтизмом (кумовством) достаточно засорена не только научно-издательская деятельность, но и весь университет и отечественная наука.

В другой „научной” статье политически настроенного академика даже наталкиваемся на „методическую рекомендацию”, своего рода поучение будущим сербским поколениям о том, как следовало бы обращаться с русской лексикой (читай: с русским и общеславянским). Примечательно, что последнее велит якобы не сам академик, а великий Вук Караджич:

„Уколико није по среди нека случајна омашка, а мали су изгледи да јесте, разлог таквом поступку треба тражити у његовом [«његовом» = речь идет о Вуке Караджиче. – А.С.] **зазирању од «славјаносербске», односно рускословенске / руске лексике**; радије је, **очигледно**, пристајао да се одрекне неке речи која, додуше, живи у народу, али која својим лексичким склопом неодољиво подсећа на **«туђицу» те недраге му провенијенције**, него ли да евентуално сам припомогне, тиме што ће је унети у *Српски рјечник*, њеном даљем опстанку у нашем културном изразу” (ИБ2: 72).

Придя в телячий восторг от Америки, академик-сербист в своей научной статье радуется перед сербским народом (и ошеломленными читателями) тем, что сербскую (славянскую) внучку крестили, наконец-то, именем „Џејн”. Готов от радости, так сказать, чуть ли не „заплакать по-английски”, академик-сербист сообщает:

„О престижној снази Запада, посебно Америке, говори на свој начин чињеница да појединци из српске средине својој деци дају несрпска имена; *за баба Радом жале*, писало је недавно у једној читуљи, *ћерка Лепосава, зет Милојица и унука ЏЕЈН*. Раширеност ове појаве требало би тачније сагледати, па тек на основу сагледаног извличити далекосежније закључке” (ИБ2: 178–179).

Наконец, в статьях М.Ивич имеет место, что очень важно, недобросовестное отношение к вопросам языковой политики сербского народа (ср. Стоянович 1997: 567). Иными словами, в современную эпоху развития сербского языка академиком-сербистом дважды (см. ИБ5:92–100; ИБ2:145–157) „подсовываются” национально ущербные рекомендации из 1965 года: 1) открытый запрет на модернизацию грамматического канона (читай: запрет на ипостась эксплицитной лексической и грамматической норм); 2) приоритет рассмотрения и кодификации разговорной речи (орфоэпических норм); 3) вульгаризация (маргинализация) норм функциональных стилей.

Ср.: (1) „...**модернизације** не може и **не сме бити** док се дуг, пипав и одговоран посао описа савременог језичког стања не приведе крају” (ИБ5:94; ИБ2: 149); (2) „...иако је свима добро познато да у ...**најпрече** задатке спада **решавање** наше комплексне и компликоване **ортоепске проблематике**” (ИБ5:99; ИБ2: 155); (3) „Потребно је тачно сагледати постојеће језичке стилове, детаљно обрадити специфичност њихове структуре, па онда тек приступити прописивању **упутства** о томе **где** би било приличније **избећи**

страну реч, а где би, напротив, њено присуство било у принципу умесно” (ИБ5:98; ИВ2: 154).

Недобросовестным здесь является то, что официальный деятель Сербской академии наук и искусств дважды в новую эпоху (1990, 1997) навязывает читателям такие лингвистические взгляды, которые за истекшие 32 года буквально²⁰ не подвергались малейшей авторской ревизии, в результате чего читателям все еще подсовывается ушербная идея о том, будто в мировой лингвистике (стилистике!) и отечественной сербистике все осталось по-прежнему²¹ (будто бурное развитие мировой лингвистики навсегда остановилось в том 1965 году). Это – не только полное неуважение информированного адресата (специалистов), но и реальная угроза массовому читателю (попытка ввести его в заблуждение).

У других филологов-сербистов умолчание обусловлено, нередко, либо „идейными позициями” авторов либо „неосведомленностью”. Последняя имеет место, например, в источнике РД1. Здесь специально обращаем внимание на разъяснение „старого знания” относительно функциональной стилистики Югославии (1945–1995 гг.). Сначала приводится справедливая общая констатация „старого знания”: „... у «сербокroatистици» се сразмерно мало систематизовано расправљало о природи и устројству **функционалних стилова**, о њиховим унутарјезичким, дакле системским, лексичким и граматичким одликама” (РД1: 10). Однако затем по методу наугадной методологии (даже безо всякой попытки обосновать критерии классификации) в одну кучу смешивается все: начиная с пособия по стилистике для журналистов (традиционного стилистико-риторического типа), научно-популярных изданий по культуре речи, лингвистических сборников, риторики, языковых штудий на материале юридической литературы, политического дискурса и коммуникации, коннотативной стилистики глагола (в сопоставительном аспекте) вплоть до толковых, двуязычных и многоязычных отраслевых терминологических словарей (*там же*).

При таком беспорядочном представлении кучи „функциональных стилей” возникают трагикомические парадоксы. Один из них заключается

20 Свидетельство о том, что ни на йоту не подвергались изменениям трижды опубликованные (тождественные) тексты (1965, 1990, 1997), т.е. явное заявление о том, что даже на сегодняшний день академик все еще не отказался от своих ушербных взглядов содержится в самом признании этого факта, сделанном в авторском Предисловии к сборникам (см. ИБ5: 8; ИВ2:6–7).

21 См. сноску 24.

в том, что бок о бок поставлены, например, работа Бранко Тошовича (русист-стилист по призванию) и языковая студия Ранко Бугарски (англист-теоретик, явно отвергающий даже лингвистический статус понятия „функциональный стиль”, т.е. „језик струке²²”). Второй парадокс: М.Радовановичем причислены к „функциональным стилям” даже двуязычные терминологические словари, а обходятся молчанием фактические научные работы (диссертации) по функциональной стилистике в сопоставительном (русско-сербском) плане (см. о таких работах в статьях Чаркич 1997, Стоянович 1997).

Как уже говорилось, умолчание может быть обусловлено „идейными позициями” автора. Так, Р.Симичу „удалось” в своем сборнике статей (см. РС) умолчать о ипостаси функциональной стилистики, благодаря идейной концепции автора, согласно которой функциональная стилистика (и некоторые другие ветви общей стилистики) относятся, по утверждению этого же автора, не к области собственно лингвистики, а к „гетеролингвистическим” фактам:

„Према концепцији коју заступамо у овој књизи, и која је објашњена у уводу, разграничење се у првом реду тиче лингвистичке и «хетеролингвистичких» чињеница” (РС: 196).

Самооценка в узком понимании. Самооценка (в совсем узком понимании) имеет место, например, в авторском предисловии к сборнику²³ собственных и избранных (по большей части уже сравнительно недавно опубликованных) статей.

Ср.: „Осим тога, уведена је нова група IV у којој се налазе четири рада са посебно актуелним темама: (...) *О БОЈИТИ/ФАРБАТИ и још понечем* (Наш језик XXXI/1–5, 1996, 71–75) ...” (ИВ2: 7).

Как видно из приведенного примера и широкого контекста, именно сам автор (а не рецензент, не коллега или научная общественность) высоко оценил актуальность собственной статьи, т.е. темы, опубликованной год тому назад (серб. „посебно актуелним”). Однако может ли вообще стать

22 О позициях Р.Бугарски как сторонника теории LSP, представителя имманентной трактовки, порождающей грамматики и теоретико-множественной модели языка см. Стојановић 1996; Стоянович 1997.

23 Выход в свет такого сборника статей представляет собой подлинный культурный уникум, т.е. сигнал, свидетельствующий об эгоцентричности конкретной авторской персоны. Ведь у большинства отечественных лингвистов тоже хватало бы собственных опубликованных статей на то, чтобы составить из них подобного рода „сборники”. К счастью, отечественные филологи этого обычно не делают.

„особо актуальной” заметка о каком бы то ни было глаголе (включая упомянутые глаголы „бојити/фарбати”) в стране, народ которой до сих пор не располагает хотя бы одним современным нормативным грамматическим пособием или одним нормативным словарем по родному языку? Именно поэтому здесь отечественного читателя настигает „незапланированный” коммуникативный эффект, порожденный контрастом двух фактов: (1) „неуместного акцентирования академиком-сербистом актуальности тривиальной (неприоритетной) темы (заметки о единичном глаголе *boјumu/фарбати*)” и (2) „реального, но печального положения дел” (полного отсутствия жизненно необходимых нормативных пособий по родному языку, начальной разработкой которых должен, иронией судьбы, либо заниматься либо, по крайней мере, руководить²⁴ именно сам автор-академик).

Уникальный случай авторской самооценки (в узком понимании последней) можно встретить в самом заглавии научной статьи: „О изразима ПЛАВ и МОДАР: нова сазнања” (ИВ1: 11).

В заключительной части текстов можно встретить самооценку проделанной работы: „Надам се да смо то показали у претходним поглављима” (РС: 196).

Субъект познания и результаты его деятельности могут получить субъективную оценку в работе коллеги. В исследуемых текстах близкие коллеги (профессор и его ученик) часто дают положительную оценку друг другу, восхваляют работы (нередко до небес) и т.п.

24 Общеизвестно, что путь к эксплицитной норме подразумевает сначала отбор и описание материала, а затем его языковую кодификацию и ряд последующих приемов. Однако громадная ответственность членов Сербской академии наук и искусств заключается не в том, что они сами (т.е. лишь собственными кадрами) не в состоянии дать „сиюминутное” исчерпывающее описание сербскому языку, а в том, что проблему родного языка все еще не воздвигли (и не пытаются воздвигать) в ранг первостепенной общегосударственной ценности, не фокусировали энергию армии молодых филологов на планомерной реализации этой государственной работы (целостном описании языка в целях последующей кодификации). И вместо того, чтобы для общего блага НАЦИИ неустанно бить тревогу, добиться хотя бы государственно засвидетельствованного плана и программы такой поэтапной работы, они, наоборот, в ущерб всему НАРОДУ, специально „откладывают” это дело, зарывают „спокойно” собственные головы в песок или публикуют работы на „тривиальные” (неприоритетные) темы. Оттуда и „незапланированный” у читателей эффект от заметок, касающихся глаголов *boјити/фарбати*, воздвигнутых в ранг „весьма актуальных” лингвистических проблем.

Ср.: „Из Радовановићевог компетентног приказа онога што је изнето ...”; „Што се конкретно српскохрватске ситуације тиче, у Радовановићевој заслуге треба пре свега убројати ...” (ИВ4: 1); „Термин морфема *се* у нашој лингвистичкој теорији и пракси први пут је уведен у раду: М.Ивић, Један проблем ...” (РД4: 181); „У исто време, радови М.Ивић имају првенствено за циљ да проблем дефинишу и да га отворе” (РД4: 182).

Наряду с етим внушение собственной престижности может строиться и привлечением автором экзотических иллюстраций (например, из японского языка).

Ср.: „Напоменула бих, примера ради, да јапански, рецимо, информацију ... преноси реченицом *A wa B ga agi*, која у буквалном преводу гласи...” – ИВ: 224.

В тех же целях возможно и присоединение²⁵ автора-сербиста ко мнению ученых из экзотических культур:

„Слажући се с признањима одатим јапанском научнику, ја сам се одлучила да са сличних теоријских позиција приступим разматрању теме која је најављена насловом мога рада. Моје је, наиме, уверење да ...” (ИВ: 216).

В анализируемом материале встречаются и более привычные иллюстрации преувеличенного мнения о своей персоне:

„Ноам Чомски је убедљиво разрадио становиште ... (в. нпр., Chomsky 1966., погл.1). За потребе овог разматрања прихватам овакав став као валидан, не улазећи у његове евентуално спорне аспекте” (РБЗ: 21).

Методологическая основа научной статьи как фон для проявления ЗАС. Общая тенденция языка науки к максимальной объективности не обходит и филологический текст, однако проявляется она менее жестко, чем в области точных и технических наук²⁶. Наряду с этим „гуманитарному типу мышления” присуща и „потребность в создании обозначений *ad hoc* для результатов логически нестрогих рассуждений автора” (Цвиллинг 1989:32). Поэтому высказывания в анализируемых текстах носят не только истинностный, но и ценностный характер, направленный на максимализацию убеждающего воздействия на читателя. Здесь применяются, как правило, методы научной (полу)фигкции²⁷ и другие виды нестрогой методологии, явно свидетельствующие о некотором отсутствии

25 Присоединение ко мнению какого-нибудь крупного ученого (в целях утверждения собственной „престижности”) производится, как правило, в личностной манере повествования.

26 Здесь мы не останавливаемся на возможных случаях промежуточного типа и, соответственно, текстах и методологии смешанного характера.

27 О понятии научной фикции и полуфикции см. напр. Губский и др., 1997: 480.

рациональной²⁸ аргументации. Эти же приемы, что очень важно, гармонично сочетаются и с „манипуляторским подходом к сознанию аудитории²⁹, направленным на то, чтобы добиться максимальной эффективности при минимуме социальной ответственности” (Головин 1997: 520). Именно такая (нестрогая или непоследовательная) методологическая основа исследуемых статей представляет собой тот значимый фон, на котором легче всего зарождается и разворачивается ЗАС. И наоборот, жесткая методология и рациональная аргументация, наличие собственных (конкретных) результатов исследования как бы предохраняют научную статью от произвола ЗАС.

Говоря о нестрогой методологии и ЗАС, достаточно привести уникальный пример из современной филологической статьи академика М.Ивич, содержащей открытый призыв поверить „слухам”, которые донеслись, быть может, до ученого:

„Енглески је у последње време својом лексиком «натрунио» чак и изражајни фонд таквих моћника какви су, по утицајности сопственог језика на друге, били некада Французи (њихово је огорчење због таквог развоја ствари, чује се, огромно!)” (ИВ2: 177–178).

Банальным здесь свидетельством „наугадной” методологии служит ничем не закомментированное предложение, содержащее тривиальное выражение „чује се” (последнее в переводе на русский – „пронесся слух”, „донеслись слухи”).

Наглядной иллюстрацией (полу)фикции являются высказывания типа „если бы да кабы”:

„Постоји и озбиљан комуникацијски разлог за такво понашање језика: наиме, и када се језик уопште не би мењао, и када би се непрекидно стихично мењао, то би временом

28 Важная роль в рациональной аргументации отводится эмпирическим аргументам (численным и статистическим) с привлечением сопоставительных данных и т.п. О различных типах аргументации (правдоподобной, моральной, рациональной, тактической) в области коммуникативных взаимодействий см. Поповић 1994: 149–152. Ср. там же: „Експериментална истраживања указују на то да аргументација има кључну улогу у постизању комуникативних ефеката” (с.137).

29 „Незапланированный” коммуникативный эффект, имеющий место при встрече с проявлением завышенной самооценки, можно объяснить и ошибочным авторским выбором коммуникативной стратегии. Иными словами, выбором „манипуляторского” подхода к сознанию аудитории субъект познания как будто рассчитывал на некую статичную, быть может, не совсем грамотную публику. Известно, однако, что рассогласованность выбранной стратегии и реальной аудитории нередко может вызывать у читателей сомнение в компетентности субъекта речи.

једнако шкодило разумевању или чак онемогућавало ваљано тумачење језиком обликованих порука” (РД1:1).

Итак, подводя итоги предварительного анализа прагматического смысла авторской самооценки в жанре современной сербской научной статьи, можно отметить следующее.

Проявление (само)оценки в речевой деятельности ученых (их научном творчестве) весьма закономерное явление, поскольку оно обусловлено глубокой преемственностью знания, единством научной мысли и научной речи при получении нового знания.

Применительно к анализу научных текстов можно различать феномены авторской самооценки в узком и широком понимании. Узкая трактовка относится к выявлению частных „модальных реакций” отправителя сообщения, и поэтому условно отодвинута у нас на задний план.

При интерпретации (в широком понимании) частного смысла ЗАС необходимо исходить из некоего „пучка” взаимодействующих текстовых сигналов: принижение других, способы выражения авторского „я”, характер ссылок на собственные работы, характер умолчания о „старом знании”, выбор методологической стратегии (способов аргументации) для адресата, различные отклонения от эмоциональной и субъективно-оценочной нейтральности повествования и пр. Важнейшими из них являются, как нам кажется, „принижение других” и „способ аргументации”. При этом необходимы также знания по социокультурному фону, который не всегда передается непосредственно языковыми средствами (т.е. значимы не только собственно языковые, но и экстралингвистические реалии). Однако все перечисленные сигналы ЗАС – только в их синтезированной совокупности – способны подтвердить наличие исследуемого феномена, а также объяснить так называемый „незапланированный” коммуникативный эффект.

На конкретном текстовом материале смысл завышенной авторской самооценки предварительно выявлен для филологических произведений М.Ивич, Р.Радовановича, Р.Бугарски. Мы склонны в текстовом отражении их завышенной самооценки усматривать, прежде всего, опосредованное проявление механизма защиты межгрупповых интересов. Последние строятся на некоей прагматической пользе, объективные сведения о которой можно получить проведением социально-психологических экспериментов.

Список использованных текстов с принятыми сокращениями

- ДМ – *Мршевић-Радовић Д., Атрибутиви у српскохрватском језику, „Књижевност и језик” 1976, 3, с. 223–229.*
- ИБ – *Хаџић И., Новозабележена народна имена гљива, „Наш језик” 1995–1996, с.96 –108.*
- ИВ – *Ивић М., Лингвистички огледи [сб. избр. статей М.Ивић. – прим. А.С.], Београд 1983, 225 с.*
- ИВ1 – *Ивић М., О изразима плав и модар: нова сазнања. – Јужнословенски филолог LII, Београд 1996, с. 11–17.*
- ИВ2 – *Ивић М., О Вуковом и вуковском језику [сб. избр. статей М.Ивић – прим. А.С.], друго, допуњено издање, Београд 1997, 203 с.*
- ИВ3 – *Ивић М., О одредбама категоризовања. – Јужнословенски филолог XLVII, Београд 1991, с. 29–36.*
- ИВ4 – *Ивић М., Још о декомпоновању предиката. – Јужнословенски филолог XLIV, Београд 1988, с. 1–5.*
- ИВ5 – *Ивић М., О језику Вуковом и вуковском [сб. избр. статей М. Ивић – прим. А.С.], Нови Сад 1990, 109 с.*
- МИ – *Михаиловић Љ., Појам и одлике стручног језика, „Живи језици” 1981, 1–4, с.10–15.*
- ПЕ – *Петровић Д., Фонетика. – Српски језик на крају века, Београд 1996, с. 87–110.*
- ПО – *Половина В., Актуелни проблеми лингвистичке прагматике. – Анали филолошког факултета, Београд 1987, с. 237–261.*
- РБ – *Бугарски Р., Језик рата, „Књижевност”, Београд 1993, № 3–4, с. 363–366.*
- РБ1 – *Бугарски Р., Језик струке као лингвистичка и педагошка категорија. – Настава страног језика као језика струке у средњем, вишем и високом образовању, Чачак 1988, с. 20–26.*
- РБ2 – *Бугарски Р., Аутономија у лингвистици, „Призма”, Сарајево 1990, № 1, с. 13–19.*
- РБ3 – *Бугарски Р., Преводјење као стварање, „Преводилац”, Београд 1990, № 3, с. 20–25.*
- РБ4 – *Бугарски Р., Критеријуми изграђивања термнологије. – Терминологија – начела, нормирање, усаглашавање рада, Београд 1988, с.17–20.*
- РД1 – *Радовановић М., Предговор (О језичким променама уопштено; О променама у српском језику у одабраном времену; О самој књизи; Литература; Прилози). – Српски језик на крају века, Београд 1996, с. 1–16.*

- РД2 – Радовановић М., *Декомпоновање предиката (На примерима из српскохрватског језика)*, „Јужнословенски филолог XXXIII”, Београд 1977, с. 53–80.
- РД3 – Радовановић М., *Номинализације у српскохрватском језику*. – *Научни састанак слависта у Вукове дане. Реферати и саопштења* 1977, VII, 1, с. 251–259.
- РД4 – Радовановић М., *Реченице са анонимним агенсом у језику Љубомира Недића*. – *Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду* 1971, XIV, 1, с. 181–190.
- РС – Симић Р., *Лингвистика стила* [сб. статей автора. – прим. А.С.], Никшић 1993, 196 с.
- СТ – Стевановић М., [сб. избр. статей автора. – прим. А.С.], *Студије и расправе о језику*, Никшић 1988, 399 с.

Дополнительные источники

- РД – Радовановић М., *Социолингвистика*, Нови Сад 1986, 304 с.

Литература

- Александрова Н.А., 1986, *Об оценке в научной дискуссии*. – *Общие и частные вопросы функциональных стилей*, Москва, с.153–158.
- Брандес М.П., 1990, *Стилистика немецкого языка*, Москва, 320 с.
- БЭС, 1997, *Большой энциклопедический словарь*, Москва–Санкт-Петербург, 1456 с.
- Gajda S., *Wpółczesna polszczyzna naukowa. Język czy żargon?*, Opole, 138 s.
- Головин С.Ю. (Сост.), 1997, *Словарь практического психолога*, Минск. 800 с.
- Губский и др., 1997, Е.Ф.Губский, Г.В. Кораблева, В.А.Лутченко (Редакторы-составители), *Философский энциклопедический словарь*, Москва.: ИНФРА.
- Караулов Ю.Н., 1987, *Русский язык и языковая личность*, Москва.
- Ковачевић М., 1996, *Семантика текста и макростилистичка анализа*, „Stylistyka” V, с. 140–163.
- Кожина М.Н., 1989, *О функциональных семантико-стилистических категориях в аспекте коммуникативной теории языка*. – *Разновидности и жанры научной прозы. Лингвостилистические особенности*, Москва, с.3–27.
- Котурова М.П., 1986, *О выражении субъекта знания в научной речи (на материале русского языка)*. – *Общие и частные вопросы функциональных стилей*, Москва, с.43–58.

- Котюрова М.П., 1996, *Выражение оценки научного знания. – Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв.*, Перм. ун-т, т. II, ч. 1, с. 238–247.
- Кудасова О.К., 1983, *Роль стилистического приема в организации научного оценочного текста (на материале английской научной рецензии). – Язык и стиль научного изложения. Лингвометодические исследования*, Москва, с. 23–33.
- Лапп Л.М., 1993, *Интерпретация научного текста в аспекте фактора „субъект речи”*, Иркутск.
- Лаптева О.А., 1977, *Способы выражения авторского „я” в русской научной речи. – Язык и стиль научной литературы*, Москва.
- Майданова Л.М., Соболева Е.Г., 1997, *Прагматика и модальность текста. – Стилистика и прагматика: Тезисы докладов научной конференции (25–17 ноября 1997 года)*, Перм. ун-т. Пермь.
- Матвеева Т.В., 1997, *Авторская индивидуальность в научном тексте. – Стилистика и прагматика: Тезисы докладов научной конференции (25–17 ноября 1997 года)*, Перм. ун-т. Пермь.
- Поповић Н., 1994, *Комуникативне интеракције у плурализму*, Београд, 197 с.
- Разинкина Н.М., 1986, *Библиографические ссылки и их роль в организации научного текста (на материале английского языка). – Общие и частные вопросы функциональных стилей*, Москва.
- Рубакин Н.А., 1972, *Тайна успешной пропаганды. – Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики*, Москва.
- Солганик Г.Я., 1997, *О субъективно-модальном значении синтаксических конструкций (на материале предложений, строящихся по схеме N_1-V_f)*, „Stylistyka” VI, с. 315–330.
- Стојановић А., 1996, *Функционални стил и стручни језик (Уз питање о међусобном односу појмова). – Страни језик струке (уредник Н. Винавер)*, Београд, с. 36–54.
- Стоянович А., 1997, *Проблемы сопоставительной стилистики Югославии*, „Stylistyka” VI, с. 565–574.
- Стоянович А., 1997^a, *Стилистика и прагматика в сербском языкознании. – Стилистика и прагматика: Тезисы докладов научной конференции (25–17 ноября 1997 года)*, Перм. ун-т. Пермь, с. 9–11.
- Стоянович А., 1998, *Авторская самооценка в аспекте стереотипизации (на материале сербской филологической статьи)*, Пермь (в печати).
- Терешкина Р.К., 1981, *К вопросу об авторской речевой индивидуальности в научных текстах/.* – *Лингвостилистические особенности научного текста*, Москва, с. 103–112.
- Троянская Е.С., 1982, *Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы*, Москва.

- Троянская Е.С., 1986, *Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей. – Общие и частные вопросы функциональных стилей*, Москва, с.16–28.
- Цвиллинг М.Я., 1986, *Функциональный стиль, подъязык и социальный диалект (К вопросу о соотношении понятий). – Общие и частные вопросы функциональных стилей*, Москва, с.5–15.
- Цвиллинг М.Я., 1989, *Специфика общественно-научного текста (к вопросу о внутрстилевой дифференциации языка науки). – Разновидности и жанры научной прозы. Лингвостилистические особенности*, Москва, с.27–36.
- Чаркич М., 1997, *Сербская лингвистика текста*, „Stylistyka” VI, с.541–564.
- Чернухина И.Я., 1995, *Идеи антропоцентричной лингвистики в трудах В.В.Виноградова*, „Stylistyka” IV, с.215–222.

Author's Self-Concept in a Scientific Article

The paper presents the continuation of investigations on the semantic category of „author's self-concept” that is considered one of the parameters of total author's individuality exhibited in a scientific text. The attempt to view „author's self-concept” as a pragmatic unit is conducted in the present paper using integral texts of contemporary Serbian scientific literature (the genre of a philological article). Due to the lack of investigations on this problem, the paper analyzes, for the most part, the text materials related to the notion of „overrated author's self-concept”.